

Я - партизан в своей профессии

- Александр Шалвович, сейчас многие актеры становятся одновременно сценаристами, режиссерами, пытаются делать «свое кино». Вот и вы сняли фильм по собственному сценарию, в котором исполняете главную роль. Наверно, так поступать приходится «не от хорошей жизни»?

- Я вообще хорошей жизни не видел. Разве что в детстве, когда постоянно ощущал рядом тепло мамы. Это было святое время. А то, что касается профессии, - все очень печально.

Актер, как вы знаете, - профессия зависимая. Мы зависим от сценариста, режиссера, ранее еще - от худсовета и Министерства культуры, теперь - от тех, кто финансирует фильм. Но нельзя также пройти мимо такого факта, что мы - профессионалы, а не любители. А профессионал должен зарабатывать и жить, как подобает человеку его таланта, уровня знаний, его необходимости обществу - достойно. Для чего актеру нужны деньги, причем большие, а не на уровне прожи-

ть создателем «неизвестного кино», тогда как вы говорите, это - крик души?

- Мой фильм находится в гораздо лучшем положении, чем большинство картин фестиваля «Неизвестное кино». Он шел на экранах, презентация его состоялась в кинотеатре «Октябрь», сейчас его купило телевидение - программа НТВ - и до 1 ноября телезрители смогут его посмотреть. На кинопрокатчиков мне грех обижаться: на Сочинском кинорынке жюри прокатчиков присудило нам пополам с Лунгиным главный приз - за его «Луна-парк» и мою «Цензуру...». Есть еще очень дорогие для меня награды - премия зрительского жюри в Твери, на фестивале «Созвездие» - за «Исповедальность», и приз, который я получил в Питере на блиц-конкурсе как сценарист. Такие премии не распределяются заранее, как это бывает довольно часто, и не даются по принципу: всем сестрам по серьгам. Этими наградами действительно отмечаются твоя работа, твой талант.

- Для тех, кто еще не видел вашу картину, а таких среди на-

ше не чувствуют себя «отрезанным ломтем» и запросто можно поговорить по телефону с друзьями, где бы они ни жили, я поймал себя на мысли, которая меня ужаснула: если бы сейчас мне предложили где-то остаться, чтобы жить и, главное, работать - ноги бы моей больше здесь не было.

Меня сейчас в стране держит лишь то, как относятся ко мне люди, для которых я работаю. Вот кому я действительно нужен, кроме моих близких, конечно. Но официальным властям на меня, как и на других актеров, работников искусства, наплевать. Я не хочу никого обидеть в Министерстве культуры, но мне непонятно, для чего оно существует? Я, например, находился вне сферы его забот всю жизнь. Не хочу обижать и правительство, парламент - люди там разные. Но в общем, страной правит хам. Вот почему каждый, дорвавшись до власти, спешит отгрохать себе хоромы, а те, о которых он должен заботиться, живут в домах, у которых отваливаются стены. Вот почему он добивается «для своих» миллионов окладов, а минимальная зарплата установлена такая, что человеку ее хватает лишь на то, чтобы не протянуть ноги от голода. Министерство культуры затевает какие-то пышные празднества, с иностранными гостями, приемами, банкетами, и никому нет дела, что такой талант, как Иннокентий Смоктуновский - почти безработный (мы с Александром Пороховщиковым беседовали за несколько дней до смерти Иннокентия Михайловича. - Л.Ф.).

- Не потому ли вы, снимая свой фильм, обратились за помощью, по вашему признанию, к «теневым структурам»? А ведь их все время изобличают в том, что с помощью кино они «отмывают» свои деньги.

- Меня финансировали не только «теневые», но и официальные структуры, в частности, Ассоциация «Русь» из Твери и камвольный комбинат. Но в наше безумное время ничего нельзя предугадать - моих спонсоров «посадили на картошку», и в то время, когда съемочная группа особо нуждалась в деньгах, нас перестали субсидировать. Тогда и пришли на помощь люди, которые просто вынимали из карманов деньги и давали их мне. Я так и пришел на фестиваль съездил. Один замечательный человек, который, правда, просил его не рекламировать, дал мне 10 тысяч баксов - полтора года назад это была очень солидная сумма - и сказал: «Саша, я в тебя верю, поезжай». Я бы умер, не получив в Сан-Рафаэле хотя бы третью премию. Мне было бы стыдно перед этим человеком. Но теперь он убежден, что не ошибся во мне. И если нас в дальнейшем опять сведет судьба, я надеюсь, что опять его не подведу.

Собственно, что такое «теневые структуры»? Тени ведь тоже бывают разные. Я очень серьезно занимался изучением этого вопроса, поскольку нередко играл в фильмах о мафии. И убедился, что мафиози, конечно, не рядовые члены группировки, а те, кто ее возглавляет - уникальные, сверхталантливые люди, которые не смогли найти должного применения своим способностям, которые конфликтуют с обществом от рождения.

Я разговаривал с одним крупным мафиози, и он сказал: «Саша, а как иначе? Я был честным октябренок, пионером, комсомольцем, членом партии, а меня за мою честность только били. Не давали жить мне, моей матери, отцу, жене. А я знал, что талантливее тех, кто надо мной изголяется. Но методы насилия, как я убедился, проходят. Другого метода сейчас у меня просто нет». Теперь этот человек «в полном порядке». Имеет все, в том числе виллу в Швейцарии, где живет его семья, которая, я знаю, и не подозревает, чем именно он занимается. Жена, дети живут в той среде, в которой должен жить каждый человек, - имеют возможность путешествовать по свету, видеть шедевры мировой культуры, слушать хорошую музыку. А у нас билеты на концерты исполнителей с мировым именем мало кому доступны. Те же, кто в состоянии их купить, идет на концерт чаще всего не по потребности души, а чтобы «себя показать, на других посмотреть».

С другой стороны, мафиози и нашим новоявленным нуворишам не позавидуешь: все время опасность, риск, конкуренция, необходимость безжалостно подавлять других, иначе сам лишишься всего, даже жизни. Их счастье - выдуманное, какой бы «Мерседес» у них ни был, какие бы виллы здесь и за границей они ни имели. Их предают жены, ненавидят дети, если рождаются умными, получают должное образование, видят истинные ценности и начинают сопоставлять...

Знаю замечательного мальчишку, с потрясающими художественными способностями, который, если их разовьет, может стать великим. Так он мне сказал: «Иногда на даче встаю, и у меня ощущение, что я сейчас пойду и убью своих родителей. То, чем они занимаются, преступление». Я ему в ответ: «Но ведь все, что ты получил, чем пользуешься, оплачено их деньгами». А он: «В этом мое несчастье». Это настоящая трагедия.

- Насколько мне известно, ваш новый фильм тоже рассказывает о мафии?

- В некоторой степени да, но не это главное. Картина будет называться «Ненормальный». Она - о человеке, который совершает поступки, не принятые за норму в нашем сегодняшнем мире. Хотя я считаю, что, чем больше таких ненормальных Иванушек-дурочков, блаженных, тем прекраснее жизнь. Об этом в финале говорит даже глава мафии, не позволив своим подручным разделяться с моим героем. Действительно, он - один в поле воин. Он любит семью, жену, не прощает предательства, знает, что такое дружба, верит в простые истины и старается жить по канонам: не убий, не укради, не прелюбодействуй... Сейчас эти понятия считаются глупостью.

Я стараюсь сделать честную картину, подбери для этого честных тружеников. Не обзаводясь тогда актерами. Я вообще-

ще-то не очень люблю приглашать профессиональных артистов, особенно известных. Считаю, что художественное кино должно быть сродни документальному. Тогда оно более убедительно. А каждый известный актер тянет за собой ассоциативный шлейф сыгранных ролей.

Фильм будет построен, как психологический детектив. Очень жесткая конструкция, почти американская, но на национальной основе. Вообще, подражать американцам - это убожество. Надо заниматься своим, национальным искусством и создавать такие произведения, чтобы американцы приезжали к нам и припадали к ним, как к роднику. Ведь Россия - уникальная страна, с большим духовным зарядом, который находит свой выход в творчестве. Наши фильмы в большинстве - на голову выше американских поделок, заполонивших сейчас экраны. И американцы инстинктивно нас боятся, поэтому не дают дорогу нашим картинам - из чувства самосохранения. С нашим искусством к ним придет душа, а этого им не надо. Делать деньги и при этом обладать душой - невозможно.

- На базе какой студии вы будете снимать свою картину?

- У меня есть своя киностудия в Твери - «Родина». Она - одна из первых студий частного порядка. По сути мы ее создали еще в 80-м году, но тогда не было возможности официально это оформить. В 1987 году наконец удалось обзавестись всеми необходимыми бумагами. На студии у меня замечательные люди - умницы, труженики, хотя и не очень известные в мире кино.

- А чем студия занимается, когда вы не снимаете свои фильмы?

- Лично я снимаюсь у других режиссеров, а мои помощники ждут меня, конечно, не сидя при этом без дела.

Будь у меня свободные деньги - я бы помог запуститься на моей студии молодым режиссерам с их картинами. Многие об этом просят. Но на запуск чужих фильмов у меня, к сожалению, средств нет - на свой еле наскреб. А ведь так здорово - помогать друг другу. Не подставлять ножку, а поддерживать товарища и радоваться его успеху. А у нас все задом наперед. Если у меня все хорошо получается, хоть это стоит невероятных трудов, - у моих товарищей сразу кислые физиономии. Успех картины «Цензура» к памяти не допускаю» прояснил, какие люди меня окружают, и я разогнал почти всех своих бывших друзей. В дружбе я очень суровый человек, так как все сразу примеряю к себе - я бы никогда так не поступил. Конечно, в итоге, как я уже говорил, - страшное одиночество. И спасает лишь то, что есть жена, которая меня безумно любит, есть мама, отчим, собака Фурс. Я знаю, что они меня никогда не предадут.

- Сейчас между двумя соавторами картинами вы как режиссер оказались в простом. А как актер вы снимались в каком-нибудь фильме?

- Я снялся в картине «Наследник» режиссера Владимира Любимдрова, у которого в первой его ленте «Ищи ветра» сыграл белогвардейского офицера. После того фильма судьба меня «потачила по белогвардейцам», но я вспоминаю эту свою давнюю работу с большим удовольствием. Картина «Наследник» снята, смонтирована, началось озвучивание. Но... Пока все застопорилось. Банкир, который нас субсидировал, решил пока деньги пустить на что-то другое. Ему, конечно, видней, но свою работу жалко. Хотя, конечно, она еще долго не устареет.

По мнению людей, которые видели уже смонтированный вариант, роль у меня там получилась. Я опять играю мафиози, но мой герой - человек, личность, а не типаж. Есть интересные работы молодых актеров, которые могли бы стать толчком в их дальнейшей судьбе. А мы стоим. И опять же, многие за свою работу деньги не получили. Словом, куда ни кинься, как ни поверни - все плохо.

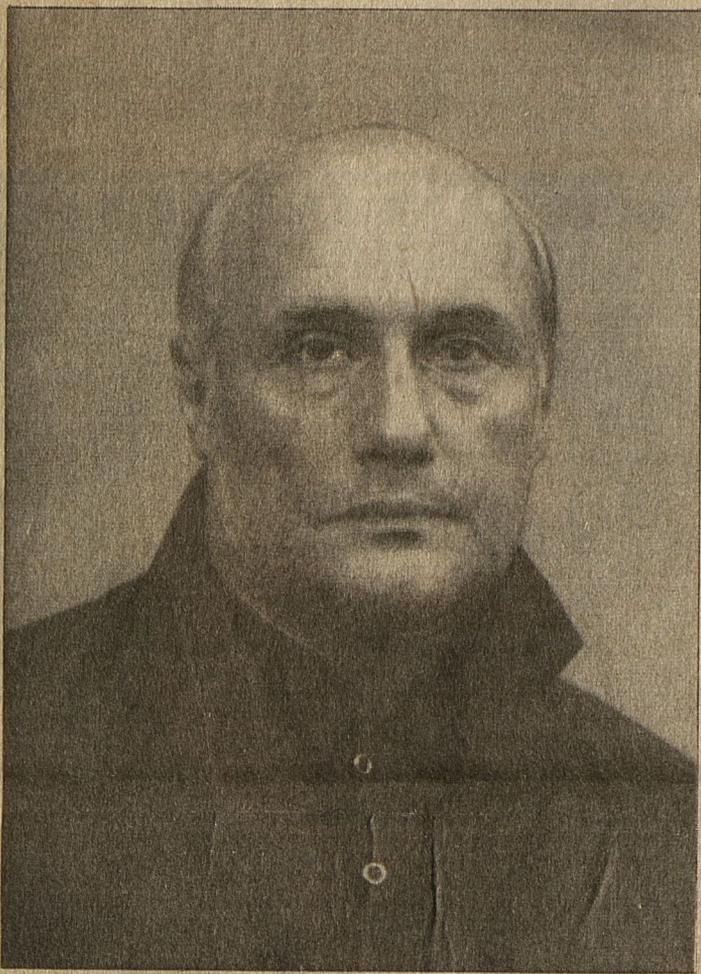
- А над чем вы сейчас работаете в Театре имени Пушкина?

- Главный режиссер нашего театра Юрий Иванович Еремин предложил мне роль городского «Ревизора». Работать с Ереминым очень интересно, но пока я встречаю материал с сопротивлением. Мне очень нравится, что Юрий Иванович пытается сделать из «Ревизора» серьезный, драматичный и даже трагичный спектакль, а не комедию, хохму, как это принято. Все это «читается» у Гоголя, но сам текст тянет на шаблон. Не ясно пока, что получится. Все может закончиться провалом, и тем более грандиозным, чем ближе Еремин подойдет к осуществлению своего замысла. Ведь он очень далек от хрестоматийного прочтения этой вещи.

В принципе я театр люблю больше, чем кино. Здесь ты не один-один, здесь происходит живое общение с людьми, когда чувствуешь пульс зрительского зала и можешь на театр реагировать. А сцена очень жестока. Она сразу проявляет актера. Это в кино можно и из слона сделать кинозвезду, и столб там «сыграет». А в театре ты вышел на сцену - и сразу, как крупным планом, видно, кто актер, а кто нет. И тут, если не получается, надо себе честно сказать - не своим ты делом занимаешься, лучше уйти. Правда, мало кто так поступает. Ведь стоит только в твой адрес раздаться хоть одному хлопку, и тебе уже никто ничего не докажет, и твои собственные сомнения относительно таланта тотчас улечиваются.

Театр - это что-то удивительно, лучезарное, я даже не могу сформулировать. Приходишь сюда, когда никого нет, просто сидишь, а душа светится. Так здорово: зал, сцена. Достаточно зайти на сцену, вдохнуть запах кулис - дрожь берет. Я от этого балдею, как наркотик. И это - компенсация за все наши актерские и жизненные беды.

Беседа велась Людмила ФОМИНА.

точного минимума? Чтобы было время, не отвлекаясь на решение бесчисленных материальных проблем, работать над своими ролями, наблюдать жизнь, размышлять, философствовать на тему, которую он намерен углублять как художник и нести людям. А мы не имеем такой возможности - заработная плата такова, что необходимые для нормальной жизни деньги приходится добывать всевозможными способами, на что уходит золотое время. Стать великим в нашей профессии невозможно, если ты - нищий.

Что же касается творческой стороны, то в своей профессии я - партизан. Когда снимаешь картину, я только делаю вид, что слушаю режиссера, а играю все равно по-своему, как я это понимаю и вижу. Редчайший случай, когда попадался режиссер, который действительно меня заиграл, - Никита Михалков, Сергей Соловьев, Владимир Мотыль. Но чаще всего режиссеры - какие-то недоросли, которым надо помогать, и своей ролью как бы обустраивать их судьбу. А актерская жизнь очень коротка. И есть что рассказать, исходя из своего жизненного материала, вместо того, чтобы изображать каких-то неинтересных тебе людей. Вот почему и приходит в конце концов желание сделать, как вы выразились, «свое кино».

Я вообще считаю, что на сегодняшний день очень мало - быть просто актером. Надо быть художником. Если можешь писать музыку или стихи - лиши, если есть другие способности - рисуй, танцуй, ставь спектакли, снимай фильмы. Никогда нельзя вырывать себя только в чем-то одном. Истинный талант многогранен. Почему Шкунин - такое замечательное явление в нашей культуре? Потому что он - один во всех лицах. Он - личность. Его творчество может нравиться или нет, с ним можно соглашаться и не соглашаться, но его почерк видно всегда.

Надо сказать, что когда я бьюсь в искусстве один, как волк, у меня сразу все получается, хотя это очень тяжело. Одиночество страшно. Такого одиночества, как сейчас, я не испытывал никогда. Именно теперь в наибольшей степени проявилось, что мы, актеры, не нужны государству и власти имущим. Чтобы чего-то добиться, надо научиться людям вылизывать какое-то место, часто стаять с бокалом в руке на различных тусовках, улыбаться тем, кто тебе не очень приятен, развлекать «почтенную публику» на дачах. Я этого не делал и делать не буду - не так воспитан.

Так что мой фильм «Цензура» к памяти не допускаю» - это не дань моде. Это почти крик души. Сидеть, ждать и надеяться, что тебя «рассмотрит» какой-то режиссер, что вы вместе сможете найти достойный материал для фильма - бессмысленное занятие. Станиславский рождается раз в тысячу лет, да и он ошибался - сколько раз Москвина не брал! Так что лучше рассчитывать только на себя самого.

- На I фестивале русского кино в Сан-Рафаэле (Франция) вы получили главный приз - «Золотой парус» - за лучший фильм. Но «Цензура» к памяти не допускаю» в Москве сейчас можно увидеть лишь в программе киноадаптации «Неизвестное кино от Ханжонкова до Соловьева», который проводит Дом Ханжонкова. А ведь он был завершен в 1991 году. Не обидно ли вам

ших читателей - большинство, рассказчик, пожалуй, так легко в основу картины «Цензура» к памяти не допускаю»?

- Этот фильм автобиографичен. В нем рассказывается типичная, в общем, для нашего недавнего времени история: у героя фильма (его играю я) репрессируют деда, семья разваливается, ее доводят до полевой отметки. Но, в принципе, картина - не о сталинских временах, а о том, как человек, защищая чувство собственного достоинства, честь, одновременно как бы защищает общественную мораль. Потому что, если каждый из нас не будет защищать свою честь, мы все станем быдлом. Фильм - о любви, о времени, о красивых людях - в то время, когда можно было заплатить головой, они совершали поступки. Сейчас - время разобщенности между людьми. А там - любовь, дружба, все остальное - настоящее.

Вы замечали, многие из нас даже в разгар веселья вдруг куда-то «исчезают» - это видно по их глазам. Человек смеется, шутит, но душу его что-то терзает. Я старался разобраться в этом, поскольку и сам страдаю таким «недугом». И в моей картине есть такой момент - девушка спрашивает главного героя: «О чем ты все время думаешь?» - «Я не думаю, я тоскую». - «Тебя что-нибудь мучает?» - «Нет, просто я - русский человек».

Мы находимся в жуткой тоске. Замечательный народ, замечательная земля, природа, но наши правители разных времен и разных рангов довели народ до такой степени нищеты, унижения, что даже в перспективе не маячит улыбнуться душой.

Мне иногда говорят: ты всегда был острохарактерным актером, почему же не играешь в комедиях? Вы думаете, мне не хочется смеяться? Я не могу. Улыбка не возникает, когда все время читаешь, слышишь: там убий, там взорвали, там «надули», урожай сгноили, экологи развалили, науку почти уничтожили... Поверьте, я не воспринимаю юмор совсем не потому, что его не понимаю. Плечу, наверно, не случайно пригласил меня в Театр сатиры. Но я уже отсмеялся - такая эпоха.

- Многие ваши товарищи по профессии нашли для себя выход из «русской тоски», из нищеты - живут и работают сейчас за рубежом. У вас не возникло желание уехать?

- Вы затронули весьма острую для меня тему. Дело в том, что мне четырежды предлагали остаться за границей. Впервые это случилось в 1972 году, когда Театр на Таганке, где я тогда служил, находился на гастролях в Париже. Насчет работы можно было не беспокоиться - мне давали возможность сделать спектакль, где я сам бы исполнял центральную роль. Мог и в кино сниматься. Но смысл моей жизни - мама, и через нее я проводил жизнь абсолютно все. Я знал наверняка, что мама не поехала бы во Францию. Она - патриотка своей страны, хотя, кроме горя, здесь ничего не видела. И отчим такой же. Это все и решило.

Я сам очень люблю Россию, со всеми ее несчастьями, радостями, потому что русский, потому что здесь родился и прекрасней страны не видел, хотя объездил почти весь свет. Но сейчас, когда съездишь за границу - что перейти на другую сторону улицы, когда другая планета, исчезло, когда уезжаю-